

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Н. Ф. Алефиренко

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА: ПРЕДПОСЫЛКИ, ПРЕДМЕТ, КАТЕГОРИИ

В статье рассматривается процесс становления и развития когнитивной лингвистики. Особое внимание уделяется спорным вопросам, связанным с формированием понятийного и терминологического аппарата этой науки.

Когнитивная лингвистика, разумеется, возникла не «с чистого листа». Она, как, впрочем, и все другие научные направления, имеет достаточно глубокие корни и содержательные предпосылки, созданные мэтрами мирового языкознания (В. фон Гумбольдт, А. А. Потебня, И. А. Бодуэн де Куртене, Г. Гийом и др.). При этом нельзя не упомянуть интерпретацию семиологического пространства языка, содержащуюся в работах Н. В. Крушевского, и учение о понятийных категориях И. И. Мещанинова. К предпосылкам когнитивного подхода в отечественном языкознании следует отнести ономазиологическую теорию Е. С. Кубряковой, семасиологическую концепцию Ю. Д. Апресяна, логико-лингвистическое направление Н. Д. Арутюновой, семиологическую доктрину языка Ю. С. Степанова, положения о речемыслительной деятельности С. Д. Кацнельсона. Конструктивную роль сыграли структурно-типологические построения В. С. Виноградова, психолингвистические исследования А. Р. Лурия, А. А. Залевской и др. В России, таким образом, лингвокогнитивистика – закономерный результат эволюции лингвистических учений.

В западноевропейской же науке о языке после длительного господства структуральной доктрины, сознательно исключавшей из своего поля зрения «среду бытования» языка, в том числе и его речемыслительного пространства, обращение к когнитивистике и впрямь стало поворотным этапом, позволяющим сбалансировать исследовательские интересы к формальному и содержательному планам языка. В конкретных исследо-

ваниях американских и европейских лингвистов становятся зримыми положения, обоснованные ранее в трудах В. фон Гумбольдта и А. А. Потебни о том, что форма в языке содержательна, а содержание языковых сущностей всегда ограничено в соответствующую форму. Приходится лишь сожалеть, что в евро-американской лингвистике практически не обращаются к неиссякаемому источнику осмысления взаимоотношения языка и познания, разумеется, уже на новом витке исследования «вечной» проблемы. Его точкой отсчёта можно считать 1989 год, когда исследователи лингвокогнитивных явлений учредили Международную ассоциацию когнитивной лингвистики (International Cognitive Linguistics Association - ICLA) и журнал *Cognitive Linguistics* (Когнитивная лингвистика), первый номер которого вышел в 1990 г. В 2003 г. были созданы Российская ассоциация лингвистов-когнитологов (РАЛК) и журнал «Вопросы когнитивной лингвистики».

Когнитивная лингвистика стала самостоятельным научным направлением, которое, с одной стороны, должно учитывать накопленный опыт изучения проблемы взаимоотношения языка и мышления, в том числе и в восточнославянском языкознании, а с другой — разрабатывать новые теоретические программы и методы исследования «синхронной работы» языковой и мыслительной систем. Нередко, правда, предлагаемые разработки рассматриваются если не вредными, то уж наверняка давно известными истинами, сформированными в предшествующих научных парадигмах. И всё же, несмотря на это, когнитивная лингвистика не только утвердила свои позиции, но и стала точкой притяжения для многих исследователей, в том числе и для тех, кто ещё не вник в суть проблемы и пока находится на стадии модного «жонглирования» когнитологическими терминами. Именно погоня за модой как раз и настораживает многих глубокомыслящих учёных. Кстати, от неё стремятся избавиться и убеждённые когнитологи, поскольку публикации, использующие когнитивную риторику, но лишённые базовых когнитологических принципов, только дискредитируют направление, глубоко входящее своими корнями в традиционную менталингвистику.

Если всё же признавать лингвокогнитивистику как (пусть даже относительно) самостоятель-

ное научное направление, то необходимо чётко представлять его отличия от имеющихся в науке смежных теорий. Начинать их поиск, полагаю, следует с истолкования базового понятия - «когниция». Если бы термин *когниция* был абсолютным синонимом к термину *познание*, то сложно было бы возражать тем учёным, которые считают когнитивную лингвистику лишь «иносказательным переложением» традиционной менталингвистики. Однако понятие «когниция» шире ранее бытовавшего понятия «познание», поскольку означает и сам познавательный акт (процесс приобретения знаний) и его результаты. Содержание данного понятия включает в себя процессы (1) сознательного и (2) обыденного мышления (не всегда осознанного постижения мира в рамках повседневного опыта), а также (3) «перевод» обыденного опыта (телесного, чувственно-наглядного, сенсорно-моторного) каждодневного взаимодействия человека с окружающим миром в сферу *языкового сознания*. Следовательно, это любой процесс (сознательный или неосознанный), связанный с (4) получением информации, знаний, (5) их интерпретацией, (6) преобразованием, (7) запоминанием, (8) извлечением из памяти и (9) использованием в речемыслительной деятельности человека. К ним добавим (10) восприятие мира, (11) наблюдение, (12) категоризацию, (13) мышление, (14) воображение и многие другие психические процессы как в их самодостаточности, так и в синергетическом сопряжении с языком и речью. Используемый здесь термин *языковое сознание* обозначает не всеми признаваемый когнитивный феномен, поскольку, по мнению оппонентов, сознание вообще может быть только языковым. В связи с этим М. В. Никитин, например, пишет, «что не удастся найти разумных оснований, которые бы оправдывали существование таких ментальных структур, как "языковой концепт", "языковое значение" и <...> "языковое сознание" в собственном смысле этих слов» [1]. Что касается первой ментальной структуры, автор прав: концепт остается концептом вне зависимости от способов его объективации, хотя смысловое наполнение концептов, объективируемых разными языковыми средствами, может существенно различаться. Понимая это, некоторые авторы различают такие их типы, как художественные (Л. В. Миллер), синтаксические (З. Д. Попова, В. И. Казарина), фразеологические (Л. Г. Золотых) концепты. Споры нет, термины несовершенны. Они, по признанию самих авторов, их употребляющих, скорее, указывают на средство вербализации концепта, чем на его сущность. Однако по конфигурации смыслового содержания такие концепты различаются. Поэтому, за неимением более приемлемых номинаций, используемые термины пока выполняют свою

«разъяснительную работу». Понятие «языковое значение» объективно необходимо, поскольку существует еще и «предметное значение» [2]. В когнитивно-семиологической теории слова наряду с понятием «сознание» находит свою «нишу» и понятие «языковое сознание». Прежде всего, оно связано с проблемой взаимоотношения языкового значения и смысла. Если первая форма общественного сознания интегрирует энциклопедические знания, то его вторая форма - языковое сознание - использует вербализованные знания, которые служат средством активизации соответствующих элементов когнитивного сознания, прежде всего социального, культурного и мировоззренческого происхождения. В итоге происходит трансформация элементов когнитивного сознания в языковые пресуппозиции, которые, подвергшись речемыслительным и модально-оценочным преобразованиям, перерастают в культурно-прагматические компоненты языковой семантики. В результате таких трансмутационных процессов (от энциклопедических знаний через языковые пресуппозиции к языковому сознанию, объективированному системой языковых значений) формируются специфические для каждой национальной культуры *артефакты* — языковые образы, символы, знаки, включающие в себе результаты эвристической деятельности всего этнокультурного сообщества. Они выступают средствами интериоризации продуктов мироустроительной жизнедеятельности определенного этноязыкового коллектива, его мироощущения, мировосприятия, мировидения и миропонимания. В силу этого язык становится не только средством упорядочения, категоризации и гармонизации концептуальной картины мира, но и способом относительной детерминации поведения людей в том или ином этнокультурном сообществе. Не вступая в давнюю дискуссию о соотношении языка, мышления и сознания, определим лишь спорное, но уже достаточно активно вошедшее в научный обиход понятие. Связь когниции с языковым сознанием обуславливается тем, что различные структуры знания объективируются семиотическими системами, важнейшей из которых является язык. На этом обстоятельстве важно акцентировать особое внимание, поскольку оно позволяет в многоотраслевой когнитивной науке выделить предмет когнитивной лингвистики, связанный с изучением отраженных в языковых знаках знаний, закономерностей их передачи, организации, хранения, извлечения из памяти и т. д. Определение предмета когнитивной лингвистики, по сути, является продуктом нового осмысления проблемы менталингвистики: переводом её из дихотомического основания (*язык - мышление*) на трихотомическое (*язык - мышление — сознание*). Если дихотомическая субпара-

дигма менталингвистики сосредоточивалась на вербализации представлений и понятий, то трихотомическая субпарадигма обращена к речедетельностным процессам, структурирующим знания не только в представления и понятия, но и в более сложные образования: сцены, сценарии, эпизоды, фреймы, прототипы, пропозиции и другие форматы знания. Способы и средства их вербализации языковыми знаками прямой и непрямой номинации - предмет когнитивной лингвистики.

Из представленного выше понимания предмета когнитивной лингвистики вытекают задачи отраслевых дисциплин: когнитивной лексикологии, когнитивной морфологии, когнитивного синтаксиса, когнитивной стилистики, когнитивной фразеологии и т. д. Каждая из этих дисциплин призвана показать взаимодействие «своих >>» языковых единиц и лежащих в их основе структур знания. И только в результате такого исследовательского шага спроецировать семантическую структуру языковой единицы на соотносящиеся с ними когнитивные образования: пропозицию, прототип, гештальт, концепт, фрейм, сцену, сценарий, эпизод. Такая исследовательская стратегия, с одной стороны, обогащает общую теорию интеллекта, а с другой - предполагает вычленение в многомерной теории общей языковой семантики нового ответвления — семантики когнитивной, в ведение которой входят не только языковые знания, но и знания неязыкового, энциклопедического, характера, связанные с процессами концептуализации и категоризации, которые, собственно, и формируют в сознании человека всю систему знаний (картину мира) в виде разных когнитивных структур, объективируемых языковыми и речевыми знаками.

Когнитивная семантика, изучающая знания с точки зрения интеграции в них языковой и экстралингвистической информации, обращена не только к содержанию языковых знаков, но и к среде их обитания. Это предполагает исследование семантики языковых единиц как *сложной и самоорганизующейся системы открытого типа*. Открытость обеспечивает возможность постоянного обмена информацией между системой и средой, что служит основанием для выделения из недр когнитивной семантики трёх дисциплин: когнитивно-дискурсивной теории, когнитивной лингвокультурологии и лингвосинергетики.

Когнитивно-дискурсивный подход позволяет преодолеть экстралингвистическое понимание значения, представленное, главным образом, в работах западноевропейских и американских исследователей: значения — *это когнитивные структуры, включенные в модели знания, мнения и конкретные концептуализации* (Р. Лангакер). Под их влиянием подобные суждения

появляются и в отечественном языкознании. Ср., например, утверждение о том, что концепт определяет семантику языкового знака. «Значением <...> становится концепт, схваченный знаком» [3] или «Значение — концепт, связанный знаком» [4]. В нашем представлении концепт предопределяет в семантике языкового знака многое, но не всё. Важную роль в этом играют и такие факторы, как речевая прагматика, дискурсивные практики, системный статус знака, его синонимико-антонимическое взаимодействие с другими знаками своего семантического поля и т. п. Всё это, конечно же, служит основанием полагать, что значение не тождественно знаку, поскольку представляет, с одной стороны, лишь одну из фасет (граней) своего когнитивного субстрата, а с другой — синергию дискурса, точнее, дискурсивного поля как среды своего возникновения и функционирования.

Дискурс — не столько речь, хотя и генетически с ней связан, сколько среда обитания языковых знаков, тот когнитивный «котёл», в котором происходит смыслообразование, лингвосемиозис средств не прямой и косвенно-производной номинации. Таковым дискурс становится в силу его сложной коммуникативно-когнитивной природы: в его состав входят не только продукты линейной речевой деятельности (тексты), но и явления *нелинейного* характера (знание мира, мнения, ценностные установки), играющие важную роль для понимания и восприятия информации. Смыслогенерирующими факторами дискурса выступают (а) события (участники этих событий, перформативная информация) и (б) «не-события» (обстоятельства, сопровождающие события, фон, оценка участников события и т. п.). Поэтому целесообразно различать два основных аспекта когнитивного дискурс-анализа: 1) анализ структуры представления знаний и 2) анализ языковых способов его концептуального моделирования знаний.

Когнитивно-дискурсивный принцип исследования смысла и значения расширяет фоновую базу семантического анализа. Если традиционная семасиология утверждает, что значение языкового знака в системе языка определяется его парадигматическими и синтагматическими связями, то когнитивная семантика рассматривает значение языкового знака в его дискурсивных связях, т. е. во взаимоотношениях когнитивного субстрата данного языкового знака с другими элементами когнитивного контекста. Такие когнитивные контексты представляют собой блоки знания [5], ментальные пространства (Ж. Факонье, Дж. Лакофф), или фреймы [6]. Объективная значимость когнитивных контекстов, или дискурсивной среды языкового знака, в процессах формирования и понимания языковых значений обус-

ловливает важность опоры в когнитивно-дискурсивном анализе как на языковые, так и на неязыковые (энциклопедические) знания. Такой подход обеспечивает связь языковой семантики с культурно маркированной информацией дискурса. Такого рода синергетические потоки расширяют предмет лингвокультурологии, переводят её из референтно-описательной дисциплины в когнитивно-семиологическую.

Примечания

1. *Никитин, М. В.* Основы когнитивной семантики [Текст] / М. В. Никитин. СПб., 2003. С. 276.
2. См.: *Алефиренко, Н. Ф.* Язык, познание и культура [Текст] : монография / Н. Ф. Алефиренко. Волгоград, 2006. С. 91-96.
3. *Кубрякова, Е. С.* Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е. С. Кубрякова, В. Г. Демьянков, Ю. Г. Панкратов, Л. Г. Лузина. М., 1996. С. 92.
4. *Никитин, М. В.* Указ соч. С. 269.
5. *Lakoff, J.* Cognitive semantics [Text] / J. Lakoff // Meaning and mental representations. Bloomington, 1988. P. 78-106.
6. *Филлмор, Ч.* Фреймы и семантика понимания [Текст] / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М., 1988. С. 60.